

Цзян Юньди стоял у низкого столика, заваривая чай, его движения были неторопливы. Услышав вопрос, он ответил:

— Потому что они ошибаются. Даже если ты поступишь неправильно, хуже не станет.

До сегодняшнего дня он действительно колебался, стоит ли позволить Альянсу взять под контроль Крилею или дать Е Фаньсину больше времени для изменений.

Но теперь Цзян Юньди сделал выбор. Он решил поверить в будущее Крилеи.

Вдали огни парящих автомобилей один за другим гасли, и, глядя с высоты второго этажа, казалось, будто звёзды одна за другой угасают.

Е Фаньсин улыбнулся. Это был ответ, который полностью соответствовал характеру Цзян Юньди. Только теперь, расслабившись, он выглядел как настоящий юноша, и с искренней улыбкой изложил свои идеи о реформах в Крилее.

Цзян Юньди сидел и слушал его. В комнате работал терморегулятор, и на мгновение ему показалось, что он вернулся в студенческие годы, снова сидит в классе напротив того человека, под цветущим деревом...

Но, открыв глаза, он увидел холодные стеклянные стены здания. Мгновенное разочарование не вызвало у него привычного чувства невыносимости. Слушая голос Е Фаньсина, он ощутил давно забытое спокойствие.

За окном тихо падал снег, словно пушинки, едва слышно шуршащие. Звук льющегося чая смешивался с шумом вьюги за окном, создавая странное ощущение разрыва.

Е Фаньсин обернулся к Цзян Юньди. В чайной дымке лицо премьер-министра казалось задумчивым, его черты были чёткими и выразительными. Вода в чашке была прозрачной.

— Возможно, только ты не считаешь мои идеи бредовыми.

Закончив изложение своих планов, Е Фаньсин поднял брови, его черты лица в свете стеклянного здания казались словно нарисованными. Не дожидаясь ответа, он быстро сменил тему:

— Что ты завариваешь?

— Облака с Западных гор, — Цзян Юньди, следуя за прыгающими мыслями молодого монарха, вежливо ответил. — Вкус неплохой, Ваше Величество, хотите попробовать?

Е Фаньсин подошёл, глядя в его улыбающиеся глаза, взял его чашку и сделал глоток. Не

почувствовав особого вкуса, он сделал ещё один.

— Немного горько.

— Послевкусие будет сладким.

Почему-то Цзян Юньди почувствовал, будто этот разговор уже происходил. Он не хотел углубляться в эти мысли.

— Это моя чашка. Здесь есть новая.

— Я уже выпил.

Молодой монарх поставил чашку и с вызовом улыбнулся. Его узкие глаза казались глубже и выразительнее, чем у обычных людей.

— О ком ты думаешь, премьер, пока мы разговариваем?

— Ни о ком, Ваше Величество.

Цзян Юньди посмотрел на снег за окном, который всё ещё шёл.

— То, что ты сказал, я уже обдумал. Есть некоторые недостатки, ты говорил...

Е Фаньсин вертел чашку, слушая, как Цзян Юньди дополняет его планы. Когда тот закончил и протянул руку, чтобы попить чая, Е Фаньсин вдруг злорадно улыбнулся:

— Премьер, я же пил из этой чашки. Ты хочешь непрямого поцелуя? Не слишком ли это прямо?

Цзян Юньди замер, не сказав, что это была его чашка, взял новую и налил себе. Подняв голову, он увидел лицо Е Фаньсина, окутанное паром от чайника, красивое и бледное, с юношеской надменностью. В его сердце что-то дрогнуло, и он почувствовал тревогу.

— Когда ты смотришь на меня, ты думаешь о своей возлюбленной, — Е Фаньсин насмешливо улыбнулся. — Но ты не признаёшься.

Когда он улыбался, чайная дымка рассеялась, и его лицо стало видно, холодное и отстранённое, но в то же время не лишённое тепла. Он нахмурился.

Премьер тихо вздохнул, его красивое лицо вдруг показалось усталым. Через мгновение он тихо засмеялся и с трудом произнёс:

— Это я слишком абсурден, Ваше Величество. Возможно, я слишком скучаю по тому сну, что

не могу себя контролировать. Мне очень жаль... Простите за мою несдержанность.

Е Фаньсин сглотнул, подавляя внезапно нахлынувшие эмоции, и, услышав предупреждение системы, небрежно улыбнулся:

— Ты даже не видел его. Если это сон юности, то забудь его. Гнаться за сном — это не поступок умного человека. Даже если он существует, может, он уже умер?

— Ваше Величество.

Цзян Юньди долго молчал, опустив глаза, его лицо было без улыбки.

— Если бы это сказал кто-то другой, я бы, возможно, поступил очень несдержанно. Давайте не будем больше говорить об этом.

Е Фаньсин холодно посмотрел на него:

— А если я настаиваю? Цзян Юньди, ты знаешь его имя? Ты так расстраиваешься из-за призрака. Если однажды кто-то с этим лицом прикажет тебе умереть, ты пойдёшь?

— Прекрати.

Цзян Юньди сам удивился своей выдержке. Он сжал чашку так, что костяшки пальцев побелели. Любовь и ненависть, которые он испытывал в юности, будто выставили на всеобщее обозрение. Он с трудом сдерживал слёзы, улыбаясь и произнося каждое слово с усилием:

— Ваше Величество, даже если Вы с этим лицом прикажете мне умереть, я, возможно, не откажусь.

Е Фаньсин долго молчал. Для него Ся Хайцы был всего лишь данными в маленьком мире. Если бы он знал, что у этих данных есть чувства, он бы сюда не пришёл. Ему вдруг стало грустно.

— Цзян Юньди.

Молодой монарх, стоя спиной к снегу за окном, смотрел на Цзян Юньди с невыразимо сложным взглядом.

— Бесполезно, всё бесполезно. Как можно влюбиться в чувства из сна?

Это была всего лишь его миссия, а перед ним — лишь строка данных. Как будто встреча во сне, где прекрасные места не вечны, а пиры не повторяются. Он не скажет Цзян Юньди правду.

— Я знаю, это моя проблема.

Цзян Юньди не хотел больше спорить с Е Фаньсином. Это его угнетало, хотя это был не первый их спор. Он постарался смягчиться, как это делал обычно в дипломатии, но на этот раз в его голосе было больше искренности.

— Ваше Величество, идите спать.

После долгого молчания чай на столе уже остыл. Тёплый воздух от терморегулятора окрасил их щёки и уши в лёгкий румянец, будто они слегка опьянели.

— Нет, давай пойдём посмотрим снег.

Е Фаньсин смягчил тон, в его зелёных глазах не было лишних эмоций.

— В будущем такого снега не будет, и такой возможности тоже не будет.

С началом реформ все будут вынуждены двигаться вперёд в этом бурном потоке. У них больше не будет таких спокойных моментов.

Молодой монарх был то романтичен, то пылок, и Цзян Юньди уже привык к этому. Раз тот не хотел спать, он не стал его заставлять.

Снег был глубоким, словно мягкий ковёр, а свет фонарей освещал их следы. У фонтана внизу разноцветные огни падали на лицо Е Фаньсина, словно тени цветов.

— Завтра я отправлю отряд охраны, чтобы сопроводить Вас.

Цзян Юньди протянул руку, чтобы поймать луч света, а брызги фонтана оросили его лицо.

— Вы, наверное, уже знаете, что собой представляет Кабинет министров.

— Пойдём.

Он сделал паузу, затем добавил:

— Пока уезжайте отсюда. Я обещаю, это ненадолго. Скоро Вы сможете вернуться.

Он продолжал использовать вежливую форму, неосознанно создавая дистанцию между ними. В снежный день всё казалось застывшим. Если так пойдёт дальше...

— Цзян Юньди.

Молодой монарх окликнул его.

Цзян Юньди инстинктивно обернулся. Юноша сидел в тусклом свете, его резкие черты лица казались отстранёнными, а воротник белой рубашки развевался на ветру, будто он внезапно вырвался из картины, ворвавшись в мирскую суету.

Он забыл, что хотел сказать.

На следующий день зимнее солнце осветило каждый уголок Имперской столицы Крилеи. Это был Рождественский день, и на улицах царило оживление, даже на втором этаже торгового центра слышался смех и радостные крики. В то время как люди радовались приближающемуся Новому году, в глубинах галактики уже происходили изменения.

<http://bllate.org/book/15566/1385386>